

RU

## Рецепция образа Оленьки в рассказе «Душечка» А. П. Чехова в Китае

Цуй Юньюнь

**Аннотация.** Цель исследования - определить особенности интерпретации образа Оленьки в китайском литературоведении с 1907 г. до сегодняшнего дня. В статье показана динамика восприятия образа названной чеховской героини в различных социально-исторических условиях в Китае. Научная новизна работы заключается в том, что статья представляет собой первый систематический анализ рецепции образа Оленьки в Китае и дает новый материал в этом отношении, обозначаются во многом противоположные точки зрения китайских критиков на образ изображенной А. П. Чеховым женщины, проводятся параллели между интерпретациями образа героини рассказа «Душенька» русскими и китайскими литературоведами и писателями, в частности определяются точки соприкосновения в критических восприятиях Оленьки между китайскими исследователями и современниками А. П. Чехова (Л. Н. Толстой, М. Горький). В результате доказано, что образ рассматриваемой героини чеховского произведения подвергался и подвергается в настоящее время жесткой критике в Китае в связи с особенностями развития китайского общества и процессом женской эмансипации, но существуют и положительные мнения о героине, подчеркивающие ее добродетель, способность к возвышенным чувствам, преданность любви.

EN

## Reception of the Image of Olenka in the Story “The Darling” by A. P. Chekhov in China

Cui Yunyun

**Abstract.** The aim of the study is to determine the features of interpretation of Olenka's image in Chinese literary criticism from 1907 to the present day. The article shows the dynamics of perception of Chekhov's heroine image in various socio-historical conditions in China. The scientific novelty of the work lies in the fact that the article is the first systematic analysis of the reception of Olenka's image in China and provides new material in this regard; the opposite points of view of the Chinese critics on the image of the woman depicted by A. P. Chekhov are indicated; parallels are drawn between the interpretations of the image of the heroine from the story “The Darling” by the Russian and Chinese literary critics and writers, in particular, common points in critical perceptions of Olenka between the Chinese researchers and contemporaries of A. P. Chekhov (L. N. Tolstoy, M. Gorky) are determined. As a result, it is proved that the image of the considered heroine of Chekhov's work has been and is currently being severely criticized in China in connection with the peculiarities of the Chinese society development and the process of female emancipation, but there are also positive opinions about the heroine, emphasizing her virtue, ability to exalted feelings, devotion love.

### Введение

Актуальность исследования. В начале XX века, когда Китай обратил свое внимание на зарубежную литературу, произведения А. П. Чехова были одними из первых книг великих русских литераторов, попавших к китайскому читателю. Творческое наследие А. П. Чехова изобилует целой плеядой образов героев, судьба которых не может оставить равнодушным как профессионального критика, так и простого читателя. Персонажи его рассказов – это отражение социокультурной эпохи, которая царил в тогдашней России. Чеховские герои поднимали актуальные проблемы современности, в том числе и те, что связаны с положением женщины в обществе. В связи с этим изучение исследовательских интерпретаций образа Оленьки из произведения «Душечка» китайским литературоведением, прослеживание основных периодов рецепции рассказа позволяют установить особенности взглядов представителей китайской нации на место и роль женщины в социуме. Отчасти данный вопрос остаётся острым и по сей день, что подчеркивает актуальность настоящей работы.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить этапы рецепции рассказа «Душечка» в Китае, детерминированные социально-историческим развитием государства; во-вторых, проанализировать критические статьи, посвященные образу чеховской героини, появившиеся в разные временные периоды, выявить особенности рецепции образа Оленьки в китайском литературоведении; в-третьих, обобщить черты восприятия рассматриваемого женского образа, определяемого в китайской критической мысли.

В качестве ведущего метода исследования в статье используется сравнительно-исторический метод.

Материалами исследования выступают отзывы и рецензии на образ чеховской героини и рассказ «Душечка», написанные М. Горьким (Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 5), Л. Н. Толстым (Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15), В. И. Лениным (Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 11). В работе также используются отрывки из писем А. П. Чехова (Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. М.: Наука, 1986-1987. Т. 10. Т. 17).

Теоретической базой послужила научная работа Ханса-Роберта Яусса «История литературы как провокация литературоведения» (Jauss, 1967), в которой отмечается, что социальный контекст каждого исторического периода создает определенные стандарты и парадигмы, в некоторой степени ограничивающие понимание и рецепцию произведения читателем. Различия в эстетических чувствах, политических убеждениях, идеологии и других факторах, составляющих условия контекста, могут привести к различным способам восприятия одного и того же литературного текста.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теме истории русской литературы в Китае и сравнительного литературоведения. Кроме того, полученные данные будут полезны для дальнейших исследований творчества А. П. Чехова в Китае.

## Основная часть

А. П. Чехов был одним из первых известных русских писателей, с которыми познакомились китайские читатели. До и после «Движения 4 мая» в 1919 г. переводы его произведений широко публиковались в периодических изданиях и газетах. Рассказ «Душечка» был переведен Чжоу Цзожэнем, известным современным китайским эссеистом, и был опубликован в журнале «Новая молодежь» за 1919 год.

Образ Оленьки вызвал живой отклик аудитории. Примечательно, что принят рассказ был неоднозначно и определил существование в стране двух диаметрально противоположных взглядов на фигуру главной героини чеховского произведения. Один, демонстрирующий восприятие женского образа в негативном ключе, в некоторой степени тождествен взглядам русского писателя М. Горького (1950). Он считал Оленьку трусливой и робкой, в чем-то сходной с серой мышью. «Ее можно ударить по щеке, и она даже застонать громко не посмеет, кроткая раба», – писал русский классик (с. 428).

Интерес представляет и тот факт, что великий вождь пролетариата В. И. Ленин (1960, с. 281) использовал образ героини «Душечки» для характеристики А. Н. Потресова, представителя социал-демократического движения в новом государстве. Эта метафора позволила лидеру СССР обличить слабость и беспринципность политической позиции А. Н. Потресова.

Кроме того, многие российские читательницы того времени также считали героиню «неприятной насмешкой» над женщинами.

Однако существовала и другая оценка чеховской героини. Ярким примером положительных отзывов о персонаже становятся размышления Л. Н. Толстого, который восхищался как самим рассказом, так и Оленькой, в особенности ее стремлением к высоким чувствам: «Это просто перл. Как тонко схвачена и выведена вся природа женской любви!» (Цит. по: Сергеенко, 1908, с. 55).

Не беря на себя функцию оценки того, какая точка зрения является правильной, рассмотрим отношение самого А. П. Чехова (1987) к таким женщинам, как Оленька. В полном собрании чеховских сочинений опубликована записка писателя, тематически связанная с рассказом «Душечка». Автор пишет: «Внутреннее содержание этих женщин так же серо и тускло, как их лица и наряды; они говорят о науке, литературе, тенденции и т. п. только потому, что они жены и сестры ученых и литераторов; будь они женами и сестрами участковых приставов или зубных врачей, они с таким же рвением говорили бы о пожарах или зубах» (с. 195-196). Следовательно, сам создатель «Душечки» не испытывал восхищения своей героиней. Л. Н. Толстой, однако, пришел к прямо противоположному мнению и окончательно в 1905 г. сформулировал свое понимание в «Послесловии» к рассказу.

Вначале Толстой (1983) привел библейскую легенду о том, что моавитский царь Валак пригласил к себе Валаама, чтобы тот проклял израильский народ, но Валаам благословил его. Цель отсылки к преданию состоит в том, чтобы использовать давно известный аргумент о том, что намерения писателя иногда противоречат тому, что он пишет. Именно в рассказе Л. Н. Толстой видит противоречие между эмоциями и разумом А. П. Чехова («Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким, по его рассуждению (но не по чувству), существом “Душечки”» (с. 316)), но рассказ «вышел бессознательно», другими словами, природные чувства и совесть Чехова по этому вопросу не позволили ему транслировать прямую насмешку над женщинами такого типа. Таким образом, Чехов невольно создал прекрасный образ, который в некоторой степени мыслился

читателями в качестве образца для представительниц прекрасного пола. Толстой характеризует образ Оленьки и с позиций христианской веры: «...свята, удивительна душа “Душечки” с своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит». Дела, которые совершала героиня, – это высшие, лучшие и наиболее приближающие человека к Богу – это «дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины» (с. 317).

Одновременно с рассказом китайские читатели могли познакомиться и с этим послесловием Л. Н. Толстого, озаглавленным «Критика Льва Толстого на “Душечку”». Примечательно, что оно стало почвой для создания собственного послесловия к рассматриваемому рассказу китайским переводчиком Чжоу Цзожэнем.

Литературовед в своей статье высказывался против точки зрения Л. Н. Толстого и считал, что «Толстой пропагандирует гуманизм, в котором есть только один путь. Не может быть различий между полами... Женщина – жена и мать для своего мужа и детей, и, кроме того, она – человек для человечества, а для себя она – единственное существо... Толстой считает, что Оленька – слабая, покорная женщина с неразвитыми знаниями, преданная мужчинам; а это в характере переводчик не считает достойным похвалы; правда, она мила и жалка, но в мире нет нужды в такой женщине» (周作人, 1919, с. 139-140).

Что касается отношения Чжоу Цзожэня к героине, то переводчик считал, что его собственный взгляд совпадает с авторским: Оленька не только прекрасна, но, должно быть, вызывает чувство жалости у читателя. Переводя это произведение, исследователь порицал общество, создавшее такого человека, и надеялся, что «в будущем женщины больше не будут такими, а будут женщинами сильными, независимыми, интеллектуально развитыми, с характером и самообладанием. Наравне с мужчинами они обладают способностью плодотворно трудиться на благо общества и государства» (周作人, 1919, с. 140).

Это послесловие как некая дискуссия с Л. Н. Толстым, по сути, является способом китайского ученого пропагандировать принципы женской эмансипации и стремления «Движения за новую культуру», которое требует, чтобы женщины формировались в соответствии с концепциями равенства, свободы и независимости. Кроме того, китайский исследователь в своей статье предоставил читателю возможность задуматься о проблеме современного ему положения женщины в обществе.

Известный ученый Чэнь Вандао в статье «Новая литература о женских проблемах» похвалил блестящее, на его взгляд, послесловие Чжоу Цзожэня и подтвердил ряд его выводов по женской тематике: «Большинство китайских женщин, которых называют мудрыми, являются “душечкой”. Поэтому первым шагом для китайцев в деле пересмотра роли женщины в обществе является чтение “Душечки” Чехова. Прочитав рассказ, некоторые наши соотечественницы точно не захотят больше быть “душечкой» (陈望道, 1920). В контексте освобождения женщин мотивация Чжоу Цзожэня для перевода и критического осмысления «Душечки» ясна и естественна, и его взгляды имели большое и длительное влияние на восприятие рассматриваемого женского типа в Китае.

В 1940-е годы появились два новых перевода «Душечки». Один был опубликован в 1942 г. в журнале «Литературная позиция», переводчик – Ли Вэй; другим был перевод Пэн Хуэй, опубликованный в ежемесячном журнале «Вэньсюнь» в 1947 г.

На перевод Ли Вэй существует рецензия, созданная Цзин Фэй, вышедшая в газете «Синьхуа жибао» в 1943 г. Автор отмечает, что в Китае много «оленок», и всем им не хватает самого драгоценного – самостоятельности и твердости характера. В связи с этим автор рецензии отмечает: «В результате их собственная воля часто ассимилируется и размывается другими, что постепенно приводит их к потере собственной личностной независимости, они становятся придатком мужчин и их тенью, не понимая смысла жизни, но воспринимая свое печальное положение как радость» (静菲, 1943). Поэтому толкователь призывает женщин «откопать свои трусливые души» (эти слова выведены исследователем в заглавие работы) и встать на путь женского освобождения.

Следует отметить, что в то время у газеты «Синьхуа жибао» было приложение под заголовком «Путь женщин», в котором обсуждался вопрос освобождения женщин в рамках темы приобщения всего китайского народа к сопротивлению японцам. Данный фактор также оказал влияние на рецепцию и понимание рассказа «Душечка».

Ван Сиянь, известный китайский писатель и профессор литературы, в своей статье «Чехов и его “Душечка”» (王西彦, 1948) выразил иное мнение об образе героини, отличное от тех, что звучали ранее. Впервые прочитав рассказ, литературный критик искренне пожалел Оленьку, но счел, что героиня была очень странной, поскольку любила только пошлых и смешных людей и продолжала любить «независимо от интересов, не прося наград, только отдавая, не ожидая ничего взамен» (王西彦, 1948, с. 31). Можно сказать, что на это мнение в некоторой степени повлияли комментарии Л. Н. Толстого к самому чеховскому произведению. В продолжение работы чувства критика к Оленьке трансформировались. Теперь он смотрел на нее не как на «самую совершенную модель человечества», а как на «беднягу». Литературовед выразил свое негодование посредством использования художественного приема – ряда риторических вопросов: «Ты повторяешь слова любимой, как будто кроме этого тебе нечего сказать. Для чего это нужно? Неужели в твоём теле нет собственной души?» (王西彦, 1948, с. 32).

Помимо собственных читательских ощущений Ван Сиянь дал объективную и диалектическую оценку взглядам, изложенным в послесловии Л. Н. Толстого. Автор статьи также обращался к критике М. Горького в отношении образа Оленьки и цитировал взгляд П. А. Кропоткина, чтобы поддержать и углубить их суждения, таким образом, демонстрируя тот факт, что оценка героини рассказа, высказанная Горьким, соотносилась с требованиями времени и эпохи. Ван Сиянь сам поддерживал эту социально-историческую критику и поэтому рационально и негативно относился к образу Оленьки в целом.

Тем не менее китайский ученый, рассуждая о жизни, времени и характере А. П. Чехова, усматривал и доказывал глубокую симпатию автора рассказа к своему персонажу, которого сам Ван Сиянь осуждал. Иными словами, Оленька, являясь «вульгарной», «онемевшей» и «невежественной», всё же излучает «человеческую доброту» (王西彦, 1948, с. 36).

Надо сказать, что рецензия Ван Сияня позволяет исследователям и читателям диалектически осмыслить проповедуемую Л. Н. Толстым бескорыстную и самоотверженную любовь героини, что близка к божественному началу, побуждает переосмыслить то, как следует понимать рассказ А. П. Чехова с чисто литературной точки зрения, и делает образ Оленьки богаче, насыщеннее и объемнее в глазах китайских читателей.

На 1950-е годы в Китае пришёлся пик изучения чеховского литературного наследия. Основными примерами того, как Оленьку принимали в этот период, являются две статьи в журнале «Изучение литературы» за 1954 г. Одна из них – «О чеховской “Душечке”» Тянь Лань (天蓝, 1954); другая – «“Душечка” воспитала женщину» Лян Чжэнь (良真, 1954).

С точки зрения классовой позиции и с учетом исторической ситуации России конца XIX века, отраженных в рассказе, Тянь Лань определяла мелкую буржуазию того времени как группу вульгарных существ, которая всё больше двигалась к ужасной пошлости. А Оленьку исследовательница воспринимала как яркий пример представительницы мелкой буржуазии. По мнению автора статьи, будучи выходцем из маленькой, упадочной, бюрократической семьи, Оленька не была обязана заниматься тяжелым трудом и поэтому была «оторвана от многогранных связей с народом» (天蓝, 1954, с. 6). Не имея ни ума, ни языка, ни собственной любви, героиня вынуждена была прожить свою жизнь как паразит без личных идеалов. Но она не была представителем злых эксплуататоров и могла быть перевоспитана посредством образования. Исследовательница также прокомментировала два противоположных взгляда (М. Горького и Л. Н. Толстого) на образ Оленьки с классовой точки зрения. В заключение статьи указывается на актуальность рассказа для современного китайского общества: «...в условиях строительства социализма борьба против меркантильной идеологии индивидуализма, против рабской идеологии, которая заботится только о собственной еде и питье и не заботится о судьбе страны, становится всё более необходимой и острой» (天蓝, 1954, с. 6). Лян Чжэнь также выразила в своей статье подобное мнение: «Как я могла стать такой вульгарной без возвышенного идеала в разгар масштабного строительства моей страны?» (良真, 1954, с. 35).

Обе статьи отражают социально-историческую ситуацию в Китае в начале XX века. После образования КНР Китай перенимал опыт России в различных областях и сферах, а с 1953 г. полностью перешел на социалистический реалистический подход в творчестве и в литературной мысли. В 1954 г. в Китае проводились социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной и капиталистической промышленности, а также торговли с целью достижения перехода от нового демократического общества к социалистическому. Реальным требованием этой эпохи стало поощрение женщин к освобождению от семейных дел и к участию в производительном труде наряду с мужчинами.

После политики «реформ и открытости» (1978) Китай вступил в новый период. Из-за необходимости экономического строительства и дальнейшего развития феминизма в стране сохранялось негативное восприятие образа Оленьки и всё еще бытовало мнение, что А. П. Чехов критически относился к своей героине. Среди статей того временного периода, посвященных анализу «Душечки», следует обозначить работу «“Душечка”: установление и конструирование “женской сущности” – анализ образа женщины в рассказе Чехова “Душечка”» (彭甄, 2012) литературоведа Пэн Чжэня, в которой автор предпринимает попытку доказать, что основная нарративная стратегия чеховского текста заключается в повествовании от лица, имеющего доминирующую мужскую систему ценностей.

Пэн Чжэнь впервые указывает на то, что название «душечка» и переименование героини – «душечка» – в некоторой степени регулирует направленность гендерной оценки рассказа. Исследователь пишет, что «слово “душечка” относится к более низкому риторическому уровню и имеет ярко экспрессивную окраску (интимный характер). В своем первоначальном смысле оно относится к ребенку или младенцу, и между адресантом и адресатом не может быть равных отношений» (彭甄, 2012, с. 148). Кроме того, автор статьи анализирует несколько любовных линий героини рассказа, характеризуя их как «по сути несексуальные эмоции, а ее саму – как носителя инстинктивного “материнского желания”» (彭甄, 2012, с. 149). Затем исследователь высказывает предположение, что слова и идеи Оленьки заимствованы у четырех мужчин, а субъективность у героини отсутствует, она призвана играть роль своеобразного «мегафона», транслирующего чужие мысли. Таким образом, Пэн Чжэнь приходит к выводу о том, что, основываясь на патриархальной идеологии, рассказчик манипулирует Оленькой и контролирует ее на двух уровнях, первый из которых – это сущность любви, а второй – способ организации языка. В данной статье используется нарратологическая теория для анализа дискурсивного подхода А. П. Чехова как автора-мужчины с феминистской точки зрения и предлагаются новые перспективы для изучения рассказа и его восприятия.

В некоторых комплексных исследовательских статьях Оленька часто рассматривается как вульгарная мешанка, подневольный маленький человек, отрицательный пример женского образа (например, в работах Хуэй Цзидуна «О теме пошлости маленького человека в произведениях Чехова» (惠继东, 2014) и Чэнь Жулань «Эволюция женских образов в произведениях Чехова» (陈汝岚, 2021)). Кроме того, литературоведение располагает ещё несколькими статьями, сравнивающими Оленьку с образом женщин в произведениях китайских авторов и писателей других стран, в основном придерживаясь той же критической точки зрения.

Обратим особое внимание на противоположные приведенным выше мнения о рассказе А. П. Чехова «Душечка». Положительное отношение к центральной героине произведения высказывают, например, китайские исследователи У Цзэлинь и Чжун Чжэнь.

Чжун Чжэнь в статье «Отголоски любви – размышления о “Душечке” А. П. Чехова» (钟真, 2009) анализирует психологию героини, полагая, что любовь Оленьки – это «любовь в смысле супер-эго индивида, которая не просит ничего взамен» (钟真, 2009, с. 197). Эта любовь – ее вера, единственное оружие, которое она использует, чтобы бороться с повторяющимися ударами судьбы. Причем высокие чувства обращены не к определенному человеку, а призваны олицетворить стремление и страсть героини к жизни. Критик пишет о том, что такие люди, как чеховский персонаж, в некотором смысле, несомненно, достойны уважения. Далее, используя теорию сновидений Зигмунда Фрейда, автор статьи анализирует сны Оленьки и доказывает искренность ее любовных порывов. Отношение Чехова к героине «Душечки», по словам китайского исследователя, отнюдь не сатирическое, а «полное терпимости, полное нежности к тем, кого постигла боль, и сострадания к слабостям, которые можно понять и простить» (钟真, 2009, с. 198). Поэтому, как заявляет рассказчик, «всё было так понятно в ее жизни» (Чехов, 1986, с. 108).

В работе «Неудавшийся Чехов и удавшийся Чехов – интерпретация рассказа “Душечка”» (吴泽霖, 2010) У Цзэлинь утверждал, что, хотя мотив к написанию рассказа у А. П. Чехова был негативным и образ Оленьки должен был войти в серию уродливых образов простых людей, которые русский классик хотел разоблачить, благодаря модернистскому подходу в произведении при изображении главной героини как не имеющей своего мнения в ней «раскрывается драгоценная душа, полная доброжелательности» (吴泽霖, 2010, с. 11). Внутренняя сущность этой маленькой, своеобразно невежественной деревенской женщины излучает уникальный блеск жизни, представляя собой вневременную красоту, способную охватить всю протяженность времени. Ее душа способна вместить любовь без фальши, почти божественную любовь, которую впервые увидел Л. Н. Толстой проницательным глазом художника. Здесь автор статьи выражает согласие с точкой зрения Толстого, в отличие от предыдущих рассмотренных нами китайских критиков.

## Заключение

Проследив практически вековую историю восприятия рассказа «Душечка» в Китае, мы обнаруживаем, что важным контекстом рецепции является развитие китайской социальной истории и идеи женской эмансипации. «Любая культура, реагируя на инокультурные стимулы, всегда стоит на своей собственной культурной основе» (殷海光, 2016, с. 42). Влияние конфуцианства на протяжении тысячелетий создало в Китае философскую атмосферу «практического разума». Китайцы относятся к настоящей жизни с «почти религиозным энтузиазмом и преданностью богам» (林语堂, 2010, с. 318). Как интернализованная психологическая структура, китайские культурные традиции заставляют читателей рассматривать разнородную культуру рассказа «Душечка» с прагматической и рациональной точки зрения и на основе позиции человеческой самодостаточности и любви.

В самом начале истории создания переводов рассказа, в рамках «Движения за новую культуру», выступавшего за демократию и науку и против феодальной морали, вопрос эмансипации женщин стал отправной точкой для развития антифеодализма. Во время вооруженного сопротивления Японии в 1930-1940-е годы необходимо было мобилизовать женские силы для борьбы с врагом, для победы в войне и для создания единого фронта женщин – выходцев из всех слоев общества. 1950-е годы были периодом социалистического строительства в Китае, когда больше внимания уделялось роли женщин в экономике и защите их прав и интересов, а участие в общественной работе стало важным условием для женской эмансипации и важной частью партийного осмысления социальной функции женщины. После 1980-х годов, с началом «реформ и открытости», феминистская мысль перестала быть дополнением к национально-освободительному движению и получила дальнейшее развитие в Китае, и ее акцент сместился на чувство субъективности и на самопознание женщин, на их стремление к свободе и счастью, что стало голосом времени. Поэтому конкретный исторический контекст, традиционно прагматическая и рациональная перспектива мышления определяют векторы интерпретации образа чеховской Оленьки.

Однако отметим, что в китайском литературоведении обнаруживается также стремление критиков высказывать собственную точку зрения, которая не продиктована историко-социальными условиями, а базируется на личном и эстетическом опыте. Именно по этой причине рассказ «Душечка» получил и положительные отзывы в работах китайских критиков.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном и углубленном изучении творчества А. П. Чехова и рецепции его произведений в китайском литературоведении, в частности в дальнейшем накоплении исследовательского опыта в интерпретации образа Оленьки и рассказа «Душечка» в Китае, в раскрытии значения рассматриваемого произведения для представителей различных историко-временных периодов и национальностей.

## Источники | References

1. Сергеев П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. Изд-е 2-е, с новыми ил., доп. и испр. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908.
2. Jauss H. R. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Konstanz, 1967.

3. 惠继东. 契诃夫笔下的小人物形象庸俗主题论 // 宁夏师范学院学报 (社会科学). 2014. 第35卷第1期 (Хуэй Цзидун. О теме пошлости маленького человека в произведениях Чехова // Вестник Нинсяского педагогического университета (социальная наука). 2014. Т. 35. № 1).
4. 陈汝岚. 契诃夫小说中女性形象的演变 // 名作欣赏. 2021. 第33期 (Чэнь Жулань. Эволюция женских образов в произведениях Чехова // Оценка шедевров. 2021. № 33).
5. 陈望道. 妇女问题的新文学 // 民国日报·觉悟. 1920 (Чэнь Вандао. Новая литература о женских проблемах // Ежедневная газета Китайской Республики «Просвещение». 1920).
6. 静菲. 挖去懦弱的灵魂 - 读《亲爱的》有感 // 新华日报. 1943 (Цзин Фэй. Выкапывание трусливой души - мысли о прочтении «Душечки» // Синьхуа жибао. 1943).
7. 良真. 《宝贝儿》教育了一个女同志 // 文艺学习. 1954. 第4期 (Лян Чжэнь. «Душечка» воспитала женщину // Вэньи Сюэси. 1954. № 4).
8. 林语堂. 吾国吾民. 南京: 江苏文艺出版社, 2010 (Линь Юйтан. Моя страна и мой народ // Нанкин: Издательство литературы и искусства Цзянсу, 2010).
9. 彭甄. “宝贝儿”: “女性本质”的设定与构造 - 契诃夫短篇小说《宝贝儿》的女性形象分析 // 国外文学. 2012. 第1期 (Пэн Чжэнь. Душечка: установление и конструирование «женской сущности» - анализ образа женщины в рассказе Чехова «Душечка» // Иностранная литература. 2012. № 1).
10. 天蓝. 关于契诃夫的《宝贝儿》 // 文艺学习. 1954. 第3期 (Тянь Лань. О чеховской «Душечке» // Литература и искусствознание. 1954. № 3).
11. 王西彦. 柴霍甫和他的《可爱的人》 // 文艺春秋. 1948. 第7卷第5期 (Ван Сиянь. Чехов и его «Душечка» // Весенний и осенний период в литературе и искусстве. 1948. Т. 7. № 5).
12. 吴泽霖. 失败的契诃夫和成功的契诃夫 - 小说《宝贝儿》解读 // 俄罗斯文艺. 2010. 第4期 (У Цзэлинь. Неудавшийся Чехов и удавшийся Чехов - интерпретация рассказа «Душечка» // Русская литература и искусство. 2010. № 4).
13. 殷海光. 中国文化的展望. 北京: 中华书局, 2016 (Инь Хайгуан. Перспективы китайской культуры. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2016).
14. 周作人. 可爱的人•译后记 // 新青年. 1919. 第6卷第2期 (Чжоу Цзожэнь. Послесловие к переводу «Душечки» // Новая молодежь. 1919. Т. 6. № 2).
15. 钟真. 爱的回响 - 读安•巴•契诃夫《宝贝儿》有感 // 安徽文学. 2009. 第1期 (Чжун Чжэнь. Отголоски любви - размышления о «Душечке» А. П. Чехова // Аньхойская литература. 2009. № 1).

### Информация об авторах | Author information



Цуй Юньюнь<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Российский университет дружбы народов, г. Москва



Cui Yunyun<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

<sup>1</sup> 1275924455@qq.com

### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2023; опубликовано (published): 28.02.2023.

**Ключевые слова (keywords):** образ Оленьки; рецепция; Китай; творчество А. П. Чехова; женская эмансипация; image of Olenka; reception; China; creative work of A. P. Chekhov; female emancipation.